

ПАВЕЛ АНТИПОВ

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Антипов

Дипломная работа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44482850

SelfPub; 2019

Аннотация

Первая книга рассказов, да и вообще первая книга Павла Антипова. Любопытный и терпеливый читатель найдёт в этом сборнике цикл «Дипломная работа», житие «Боб Иванович и Марс Марсович», а вдобавок 11 рассказов, не связанных какой бы то ни было общей темой. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Дипломная работа	4
Путешествие	10
Дежурный справоч не даёт	20
Жизнь насекомых	25
Кормилица ты наша	36
Умер князь Олег	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дипломная работа

Сначала ведь надо понять, что я писатель. А поняв, каждый день бояться: а вдруг я не писатель, а кто-нибудь другой. С другой стороны, кто я? Дворник? Не дворник. Бухгалтер? Не бухгалтер. Может, писатель? Ах ну да, конечно, писатель! Так что же я не пишу, если я писатель?

Хорошо, раз я писатель, то должен писать и получать от этого удовольствие. Ну, положим, удовольствие – явление редкое, и я просто должен писать, а удовольствие от этого получать изредка, как зарплату, к примеру. Ведь мучается дворник и бухгалтер полмесяца, а только потом зарплату получает. Так и у писателей, должно быть. Ну вот и отлично: сиди пиши.

Позвольте, а как же писать, если я дворник или бухгалтер? В смысле, я работаю дворником или бухгалтером, а на самом деле я писатель. Где мне, такому писателю, взять время, чтобы писать? По утрам! Точно, буду вставать за 3 часа до работы и 2 часа писать.

И вот я ложусь весь в волнении, в жутком трепете: завтра утром я два часа буду писать, завтра я буду настоящим писателем. Конечно, трепещу всю ночь напролёт, сплю плохо, засыпаю только под утро. Тут ведь такая беда, что всю ночь спать совсем не хотелось, а когда надо бы уже вставать – самый сон и подошёл. Но я не сдаюсь. Встаю и иду под душ.

Потом ставлю чайник, делаю кофе. Лучше было бы поставить кофейник, но у меня только чайник. Да и сам я ещё чайник, а никакой не писатель, потому что налил себе кофе в кружку, сел перед компьютером, да так и застыл. Что теперь делать? Это что, я теперь писать должен?

Ну да, ты писатель – пиши. А что писать? Хрен его знает, рассказ какой-нибудь надо придумать. Сёрбаю кофе и на время поглядываю. А до выхода на работу ещё полтора часа. Немного стрёмно, что я писатель. Как же они пишут? Неужели вот так садятся и пишут? А чего я так не могу? Может, я не писатель?

Ай, гори оно всё гаром, я, наверно, дворник или бухгалтер. Так и есть, я дворник или бухгалтер! Ну и лезу в интернет, почту проверяю, ЖЖ читаю. И на работу злой иду. А поработаю чуть-чуть, и сразу понимаю, что никакой я не дворник и не бухгалтер. Потому что мне удовольствия мало махать метлой и складывать цифры. И ещё почитаю всякие рассказы, что раньше написал – вроде писатель. А как я их написал? При каких таких обстоятельствах? Непонятно. Понятно только то, что, работая дворником и даже бухгалтером, я таких рассказов снова не напишу. Что ж делать? Брать отпуск!

Точно, возьму отпуск и уеду прочь из города куда-нибудь в Гродно или Витебск, там сниму номер в гостинице, буду целую неделю сам с собой, тогда-то и начну писать.

Отлично. Так и сделал. Взял отпуск и приехал в Гродно

или Витебск. А там гостиница такая страшная, там номер такой обшарпанный и холодный, ковёр на полу воняет, балкон не открывается, на стене картинка висит: гора, солнце восходит – пошлятина какая-то. Но креплюсь. Первым делом – режим! Без режима никуда. Без режима проторчу тут в этом Гродно или Витебске, денёжки потрачу, отпуск профукаю, что и незачем было его брать.

Так, думаю я, значит, вставать буду снова рано. Поскольку на работу не нужно ходить, то и чувствовать себя буду свободней – и захочется писать. И планирую писать целое утро, а днём выходить на прогулку и пообедать, а вечером снова писать. Такой вот у меня режим. И чтоб ерундой не заниматься, сразу ложусь спать. А делать-то в этом Гродно или Витебске и так нечего, по-любому пришлось бы ложиться.

Ну конечно, опять не засыпается, ворочаюсь, мучаюсь тем, что с завтрашнего дня я вроде как писатель. Вскидываю утром, сигаю в душ, а там – горячей воды ещё нет. Её почему-то к 6 утра ещё не включают. Блин, какая фигня! Ладно, облился холодной, вытерся. Взял в руки карандаш и бумагу. И?

Вместо того, чтобы думать о том, что я сейчас напишу, я думаю о том, как это? Я теперь писатель, что ли? А с чего это я взял? И от этой мысли куда мне деться?

Кое-как за час справляюсь с собой и начинаю строчить. И пишу-пишу, и всё боюсь, что вдруг сейчас задумаюсь, а писатель ли я. И от этого страха писанина какая-то лажовая вы-

ходит. Самому перечитывать противно. Но я где-то слышал, что перечитывать написанное надо только через некоторое время: мол, так лучше поймёшь, что там такое понаписал.

А в гостинице в этом Витебске или Гродно никакого буфета нет, и кофе там купить нельзя. Поэтому, написав пару страниц, выхожу из гостиницы и иду в какой-нибудь вонюченький магазинчик и там в пустеньком утреннем кафетерии покупаю себе чая. Горячего до жути. И вот сидеть бы сейчас с этим чаем в номере и писать, а я в этом кафетерии сижу и пытаюсь быстрее выпить эту горячую жидкость, потому что кажется, что все продавщицы и редкие покупатели на меня глазают. Что все они осуждают меня и думают: «Ну какой из тебя писатель? Писатели в Гродно чай не пьют. Они больше по Парижам в кафе сидят, смотрят, как ветер бросает листья в большой зелёный автобус».

А потом ещё какой-нибудь алкоголик подойдёт и 300 рублей попросит. А я уже на нервах весь, я прямо вздрагиваю от этого обращения. И даю ему 1000, а у себя в городе, где я дворник или бухгалтер, я никогда ничего не даю таким людям.

И настроение уже испорченное. Я не допиваю чай, возвращаюсь в гостиницу, там плюю и ухожу гулять.

В результате такого писательства появляется много листов текста, который невозможно читать. Его надо перерабатывать. Но отпуск закончился – и я уже снова дворник или бухгалтер. Времени на переработку нет.

Как вообще становятся писателями? Как об этом не задумываться? Какую надо вести жизнь, чтоб писать себе спокойно и удовольствие получать? А то выходит, что вроде и писать не получается, и на других работах работать не могу. Так и мотаюсь, увольняюсь с дворника, пробую писать, заканчиваются деньги, устраиваюсь бухгалтером, мучаюсь, увольняюсь, опять пишу – а в итоге что? Что я такого написал, что стоило бы читать? Так ведь и в бухгалтерии и в дворницком деле я ничего такого выдающегося не сделал. Но и умирать как-то тоже неохота раньше времени. Так что самоубийство исключается.

Таким образом я поступаю в Литературный институт, а дальше разберёмся.

Москва – собачий город. Во-первых, тут собачий холод. В субботу, например, мне говорили, что днём было +4. Как-то язык не поворачивается сказать, что было 4 градуса тепла. Ну и собаки здесь повсюду. Они встречают тебя на вокзале и ведут к институту. Они спят на станциях метро, сидят кружком около торговых в переходах. А когда я решил добратсья пешком на ВДНХ, то шёл малопривлекательным районом с автомастерскими, заводами и полным отсутствием людей. Вместо людей по улицам там ходят собаки. Мне было немного боязно в собачьем гетто: могли попросить аусвайс, а у меня только билет на книжную выставку.

От станции метро до места, где я живу (до этой гадкой об-

цаги, в которой сегодня на моём этаже закрыли душ), идти 12 минут. В первой трети пути надо перейти мост над железной дорогой, и как раз по правую сторону будет электроподстанция, у стены которой частенько собираются толпы собак. Их развлечение такое: затаиться и ждать, пока какой-нибудь беспечный хозяин будет выгуливать неподалёку свою какую-нибудь моську или рекса. Тогда бездомные собаки как с цепи срываются, благо цепей на них нет: это свободные собаки – и бегут с матерным лаем к моське или рексу какому-нибудь. Хозяин тогда берёт Моську на руки и торопливым шагом идёт к переходу, а с Рексом сложнее – приходится стоять и отмахиваться поводком.

Семья Богдановичей жила в деревянном домике в Гродно. Даже не в домике, а в четверти домика.

А вот семья Чеховых жила в каменном особняке на садовом кольце Москвы. Пространства там было гораздо больше – оттого, видимо, Чехов и написал больше, чем Богданович. И это при том, что оба умерли от туберкулёза.

А я вообще где живу?! В какой-то общаге идиотской. Мне и Богдановича-то не опередить, и музей не из чего устраивать.

Путешествие

– Валер, поехали в Минск. Паша зовёт.

– Ну, раз Паша зовёт, надо ехать, Денис. Вот если бы нас звал не Паша, а, допустим, Алишер Навои, то я бы ещё пять раз подумал, стоит ли ехать. Ведь Алишер Навои – это известный узбекский поэт, который никогда не был в Минске. Он умер ещё в XVI веке. Припоминаю его одну газель о смерти...

– Лан, Валер, поехали уже.

– Ах, уже? Ладно, поехали, я тебе по дороге расскажу.

Утром их поезд приехал в Минск.

– Валер, Минск уже, выходим.

– Подожди, Денис, – Валера задумчиво смотрел на задницу минского вокзала.

– Чего ждатель? Поезд через 5 минут едет дальше. Дальше, в Брест, понимаешь, Валер? Ты можешь это понять? Мы выехали из Москвы, приехали в Минск, нам выходить, пойми, Валер. Москва – Минск, не Москва – Брест.

– Ах, как же мне надоели люди с линейным мышлением, – Валера нехотя засобирался.

У вагона их встретил Паша. Они пожали друг другу руки. Паша с Денисом жали руки откровенно параноидально, Валера – подчёркнуто шизофренично. В этом нет ничего удивительного, и объясняется данное обстоятельство довольно

просто: Паша и Денис — параноики, а Валера — шизофреник. Творческие люди не могут быть здоровыми, творчество — это аномалия, а Паша, Денис и Валера были людьми творческими.

— Пойдёмте скорее, я покажу вам город, — радостно прокричал Паша, как параноик.

Они зашли на вокзал, и Паша стал катать их на эскалаторе вверх, а затем они спускались по лестнице вниз. Так много раз. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз.

— Что мы делаем? — спросил Валера.

— Я хочу, чтоб тебе понравился Минск с первых минут. Для этого я провожу нелинейную экскурсию по городу.

— А, спасибо, мне уже нравится, — с отзвуком лёгкой шизофрении сказал Валера.

— Зато мне не нравится, — параноидально заметил Денис.

— Хорошо, пойдёмте дальше.

Они вышли из вокзала и прошли в башен высокий пролёт.

— Этот пролёт между двух башен-домов, отдалённо напоминающих московский МИД, некоторые называют воротами Минска. Я же скажу так: в правой башне живёт литературный критик Ганна Кислицына, а в левой жил мой отец да скульптор Кузя. Про него один поэт сказал: «Скульптор Кузя живёт на вокзале, там, где башен высокий пролёт», — продолжил Паша экскурсию по Минску.

Они пошли по улице Кирова, в конце которой скверик, а в скверике скульптура «Девушка с зонтиком».

– Если вы смотрели в этом году «Евровидение», – сказал Паша, – то, наверняка знаете, что от Беларуси там выступал Дмитрий Колдун и занял 6 место. Так вот, этот Колдун, когда фотографировался для «Комсомолки», повис на зонтике девочки-памятника. Многие минчане осудили Колдуна за этот поступок. Идём дальше!

Дальше они вышли на площадь Независимости. На площади стоял памятник Ленину, а рядом – костёл из красного кирпича.

– Это самая большая площадь в Европе, – похвастался Паша.

– Что, и больше Красной? – поинтересовался Денис.

– Откуда такая информация? – спросил Валера.

– Не знаю. Нам так в школе говорили. Может, и врал.

От площади они пошли по проспекту до «Макдональдса», а там повернули к Немиге.

– Немига – это улица у нас такая, там ещё раньше речка Немига текла, но её лет сто назад в коллектор пустили. Теперь она под землёй.

Потом Паша показал Валере и Денису площадь Свободы, костёл, который раньше переделывали в Дом физкультуры, нововыстроенную ратушу показал. Костёл, из которого планируется сделать гостиницу, тоже показал. Потом они сходили на старое замчище, где даже было непонятно, что это замчище. А потом они купили вина и сели на берегу Свислочи.

А что было дальше – лучше и не рассказывать. Подошёл наряд милиции и отвёл двух параноиков и одного шизофреника в опорный пункт. Составили протокол: «ругались нецензурной бранью, оскорбляли при исполнении, выкрикивали лозунги «Жыве Беларусь» и др., распивали спиртные напитки». Валеру и Дениса депортировали, инкриминировав экспорт революции. Пашу посадили на пятнадцать суток. И правильно: параноиков у нас в стране хватает, а шизофреник должен быть один.

Я как-то дико завишу от денег. Ну, то есть от уверенности в завтрашнем дне.

Когда я не работаю, у меня нет уверенности в том, что на завтрашний день у меня будут деньги. И это отсутствие уверенности мешает мне жить.

А когда работаю – уверен, что завтра будет так же скучно, как и сегодня. И это тоже мешает мне жить.

Одна из главных мыслей последних дней – это то, что надо быть очень спокойным, и тогда придёт идея о том, как жить. Началось всё с того, что я ехал в метро и был очень спокоен. Тогда я подумал, что если всегда буду спокоен, то, возможно, пойму, как жить дальше. Дело в том, что, как вы можете знать, я недавно изменил привычное течение своей жизни. Мне не нравится, когда всё привычно и предсказуемо, мне это скучно и надоедает. И вот я всё меняю. И то-

гда я сразу же начинаю волноваться: а как же я буду жить, когда всё так непредсказуемо? Как же мне раздобыть денег на то, чтоб завтрашний день был предсказуем? Вот что меня мучает. Казалось бы, я хочу вернуться обратно к спокойной жизни. Хм... Возможно. Я не знаю. Проблема в том, что я не знаю, чего хочу. Или знаю, но не могу себе в этом признаться. Хотя если б я знал, то непременно бы уж признался. Что я, дурак какой-нибудь, что ли? Я просто несчастный человек. Оставьте меня!

Чтоб устроиться на работу, мне пришлось обмануть и работодателя, и себя.

В Литературный институт на Высшие литературные курсы набрали всех кого ни попадя. Даже отбора не было – взяли всех, кто подавал работы. И, вы знаете, так приятно наблюдать, как эти все кто ни попадя начинают потихоньку образовываться. Например, взрослой женщине Ирине объясняли:

– Помните барельефы на библиотеке имени Ленина?

– Ой, вы знаете, я на метро не езжу никогда, у меня машина.

Так Ирина узнала, что библиотека имени Ленина — это не только станция метро, но и библиотека.

Из окна моего офиса открывается вид на обложку альбома «Animals» группы Пинк Флойд. Только свиньи не хватает.

Она, по всей видимости, по эту сторону окна.

Единственное окно общежитской комнаты выходит в колодец двора. Света в комнате мало ещё и потому, что одно из оконных стёкол синее.

Мысли ведь всегда какие-то есть. Почему бы их не записывать. Вот и запишу. Сижусь в общаге слушаю музыку. Смотрю в окно и понимаю, что в общем-то, променяв Минск на Москву, ничего особенного не приобрёл. Сейчас я говорю о виде из окна. Вид из окна в Минске производил на меня то же впечатление, что и вид из окна в Москве. Уж и не скажем о том, что в Минске была почти своя квартира, а в Москве – общага. Это мало что меняет при рассмотрении вида из окна.

Я сижу и не знаю, что мне делать. Всё как-то так скучно и неинтересно. Неплохо было бы сходить в магазин. Ходить в магазин очень интересно, когда у тебя есть деньги – особенно. А деньги у меня теперь есть. Я их заработал, и не будем углубляться в то, как я их заработал и нравится ли мне таким образом зарабатывать деньги. Так вот, было бы интересно сходить в магазин. Но! А что там покупать? Поесть. А что конкретно поесть? Не знаю. Кажется, придёшь в магазин и сразу же решишь, что тебе поесть, что тебе купить. А вот и нет. Оказывается, что в магазине никогда нет того, что ты хочешь. А что ты хочешь? Да ты и сам не знаешь, только нет

этого. Так, может, оттого и нет, что ты не знаешь, чего бы тебе купить?

Вот мы и подошли к самому главному. Ты не знаешь, чего ты конкретно хочешь. Именно из-за того, что ты не умеешь формулировать свои желания, тебе плохо. Что ж, тогда тебе хотя бы будет приятно потратить в магазине деньги, хоть бы потому, что они у тебя есть. А ради пары приятных секунд уже стоит сходить в магазин.

На улице ноябрь и минусовая температура. Почти зима, но воспринимается осенью, потому что – ноябрь. Это-то и хорошо, потому что ходишь в такой одежде, в которой зимой при точно такой же температуре было бы холодно, а так как осень, то вроде и нормально.

Эх, были бы рядом какие-никакие друзья или знакомые, с которыми было бы интересно. Ушёл бы в общение с ними и не заметил бы, как пролетает жизнь. Но так как ты в Москве, то друзей здесь почти нет. И ходить никуда не хочется, потому что хоть и осень, а температура зимняя. Хоть и воспринимается она по-осеннему, а выходить никуда всё равно не хочется.

Так сходи ж хоть в магазин! Надо бы, но лень. Схожу, наверно. Но буду пока оттягивать этот поход. Погрющу ещё немного.

Хочется добиться умиротворённого состояния. Такого расслабленного. Такого, что смотришь из окна – и просто так хорошо и время летит незаметно.

Слушатели Высших литкурсов продолжают образовываться. Представьте себе: лекция по античной литературе, лекторша:

– Одно из первых произведений Лукиана – «Похвала мухе».

– Муха, Муха-Цокотуха? – удивляется слушатель Ярослав.

Так Ярослав узнал, что «Муху-Цокотуху» написал греческий сатирик Лукиан.

Нелёгким до работы будет путь,

Мне станет жаль, что я не умер ночью.

Я в шарфик заматаюсь как-нибудь.

Мне холодно здесь очень, очень, очень.

Вчера я проснулся в 8 часов. На улице лежал снег, и мне очень не хотелось выходить его топтать. Чтобы добраться до работы, мне надо топтать снег: 15 минут до метро, потом 30 минут топтать мрамор станций метрополитена и пол электропоездов, а затем ещё 15 минут топтать снег. Топ-топ-топ. И всегда в моменты топтания меня подстерегают разные неприятности.

Однако выйдя из общаги, я заметил, что на улице ничуть не противно. Есть такое время, когда выходишь из общежития и ещё не очень холодно, потому что тело и одежда

не потеряли часть своей теплоты, достаточной для душевного комфорта. И морально ещё не так плохо, потому что ничто тебе пока не успело испортить настроения. И вот первые пять минут на улице, или даже не пять, а три, наверно, самые лучшие минуты дня.

У первого перехода начинаются первые неприятности. Ты думаешь, что жизнь не так уж плоха, что на улице не так уж и холодно, что ты идёшь зарабатывать деньги, а это приятно. Но на переходе нет светофора, а потому там только зебра, машины по московской привычке не пропускают пешеходов. И вот я начинаю злиться и раздражённо думать, перед какой бы машиной перебежать дорогу, потому что все их переждать вряд ли получится. Перебежал. Но тут и закончилась лучшая часть дня. Потому что раздражение уже родилось и теперь не покинет меня до следующего утра.

Потом к первому раздражению добавилось раздражение от того, что троллейбус обрызгал меня коричнево-чёрным снегом. Я шёл, отряхивался и тихо ругался. Спустился в метро. В нос ударил запах пирожков из слоёного теста. Когда-то я очень любил эти пирожки, теперь ненавижу. Запах пирожков – это запах дешёвого существования в Москве с отрыжкой из этих самых пирожков.

Раздражение нарастает в очереди на эскалатор, в вагонной давке, среди толпы людей в переходах между станциями. Раздражает, что этот козёл прёт мне наперерез, что эта стерва пытается обогнать меня, наступая мне на пятки. При

этом я хорошо понимаю, что я сам есть козёл, вставший на пути вон у того и этого, и стерва, нетерпеливо обгоняющая плетущуюся бабку, задевая её плечом. Из метро я выхожу уже совсем злой.

Дежурный справочник не даёт

Есть такая страна – РФ. Она очень большая и очень богатая, но у её жителей, к сожалению, совсем нет денег.

– Как такое возможно – спросите вы, – страна богатая, а жители страдают от безденежья?

– Это ещё что, – отвечу я. – Тут бывает так, что под Новый год скупают все билеты на поезда, а потом они обнаруживаются на сомнительных сайтах и втридорога. А то, что денег нету, так это всё от отсутствия справедливых законов да из-за дежурного у эскалатора.

Ведь было как? Когда у РФ только стали появляться деньги, чиновники придумали закон, чтоб раздавать их всем жителям РФ – для справедливости. Но, как всегда при обсуждении закона, нашёлся один бюрократ, который с издёвкой спросил у чиновников:

– Как это так, раздавать деньги всем жителям РФ?

– А очень просто, они станут в очередь, мы назначим человека, который будет раздавать, и таким образом раздадим жителям деньги, в которых они очень нуждаются, – хором ответили чиновники.

– А если в очередь станут не только жители РФ, но и, не дай бог, РБ, РП, РА;

РÖ, ЛР, АР;

ИР, ИК, БиГ;

КН, КБ, КА, КШ;

СКВиСИ, ВГЛ;

ТР, ФР, ЧР

и др.

Даже У или РФ – не нашей любимой РФ, а той, которая и без того не нуждается и лягушек на ужин жрёт? Что тогда? Им тоже народные деньги прикажете раздавать? – последние слова бюрократ аж пропищал, так разволновался.

– И что же делать? – огорчились чиновники снова хором. – Что же нам, себе, что ли, эти деньги забирать?

– Эх вы! Надо всем жителям РФ выдать справку, что они жители РФ. Но только не той, где круассаны в кофе макают, а нашей исконной РФ.

– Точно! – обрадовались чиновники всё тем же хором. – А кто будет справки выдавать?

– Да кто угодно. Назначим дежурного какого-нибудь. Вот он и будет выдавать.

Это он только так сказал «какого-нибудь», а на самом деле дежурный был не кто-нибудь, а его родственник. Они ещё перед заседанием сговорились.

Так, значит, и сделали. Приняли закон, написали в газетах, чтоб люди шли справки получать, по телевизору об этом кино показали. Жители РФ обрадовались. Давно им никто денег не давал, тем более, что они теперь особенно нужны. Пошли жители к дежурному. А тот закрыл справки на ключ и говорит:

– Нету.

– Как нету?!

– А так. Нету и не будет, наверно. Обманули вас. В первый раз, что ли?

Жители РФ тогда взяли кто палку, кто топор, кто рогатину, кто вилку, кто ложку, кто бюстик Ленина, кто дешёвый цветочный горшок с распродажи в «Икее», кто тележку из «Пятёрочки», кто ноги в руки, у кого сердце в пятки, кто-то стал милицию вызывать, кто пожарную: вооружились, короче, до мозга костей – и погнались за дежурным. Квартал гонятся, второй. Догоняют уже почти, улюлюкают, видят, дежурный уже сдаёт позиции.

– Натё, — говорит. — Сдаю вам позиции вместо справок.

Жители оторопели немного, а дежурный воспользовался замешательством и скрылся в метро. Жители РФ опомнились, кинулись за ним. А он, хитрюга, спустился по эскалатору и закрылся в стеклянной кабинке. Народ обступил её, колотит в стекло, возмущается. А гад только усмехается и указывает людям на надпись, что на кабинке. А там написано: «Дежурный у эскалатора справок не даёт».

Пошумел народ, пошумел, но делать нечего: написано пером – не вырубешь топором, отпечатано в типографии – тираж больше Астафьева, наклеено умелой рукой – никто не виноват, что ты дурак такой. Стали расходиться потихоньку. А дежурный сидел в кабинке со справками и боялся выходить.

Ну и зря. Потому что у этой истории, наперекор действительности, запланирован чудесный хеппи-энд: этакий «де-ус экс махина». Вскоре после описанных событий в вагонах метро стали расклеиваться такие объявления:

Дадим деньги!

Всем жителям РФ

в течение 30 минут

без справок и поручителей

11-20-007

Нашлись-таки на Руси исконно добрые люди и выручили жителей РФ. С тех пор у жителей есть деньги, но дежурный об этом не знает. Так и сидит со своими справками у эскалатора.

В метро сидит узкоглазая смуглокожая девочка и читает в учебнике истории такую главу: «Борьба русских земель и княжеств с монгольским завоеванием».

Новость первая: разговариваю вчера с Женькой Сосновым. Он мне: «Сколько ты уже работ переменял? От тебя каждая вторая новость, что ты уволился».

А теперь прервём наш разговор для того, чтобы сообщить вторую новость: я уволился.

Утром кофе, вечером «Роллтон». Я и забыл, что бомж-пакеты бывают такими вкусными.

В нашем общежитии в комнатах живут по двое. Я тоже не исключение: я живу с Денисом Дробышевым. Даже Валерий Печейкин, и тот живёт с Ярославом, а вы говорите. И несмотря на такую парность расселения, к комнате прилагается только один ключ. Никто вам не запрещает сделать дубликат, но он, к сожалению, стоит денег, а это затрудняет нашу и без того сложную жизнь в общежитии. Поэтому дубликат мы не делаем, а стараемся возвращаться в комнату вместе.

Ну, если уж совсем не получается, то пытаемся оставлять ключ у лысого вахтёра. А это, надо сказать, не всегда получается. Ведь наш вахтёр имеет неприятную наружность с золотым зубом и скверный характер, поэтому на него даже смотреть противно, не то что ключ оставлять. Мало ли что он может сделать с ключом этим своим золотым зубом? Вот задумаешься об этом – и обязательно забудешь ключ оставить. А потом из-за этого проблемы.

Жизнь насекомых

Ну, давайте пофилософствуем, подумаем, что мы из себя представляем, кто мы на самом деле, зачем этим занимаемся и почему не занимаемся чем-нибудь другим.

Окей, про себя думать сложно, возьмём хотя бы Бориса. Родился в Смоленске, отучился на экономиста, пошёл на хорошо оплачиваемую работу. Казалось бы, живи припеваючи, двигайся по карьерной лестнице и копи на мелкие и крупные бытовые приборы. Жену себе заведи, Борис. Бери девушку скромную – чтоб звёзд с неба не просила, и живи с ней душа в душу. Неужели плохо? «Не плохо, – отвечает Борис, – да только как же я семью буду заводить, когда я не знаю, кто я такой? Как я детям в глаза посмотрю и что отвечу, когда они у меня спросят об этом или, ещё хуже, поинтересуются, кто они такие, кем им быть? А я даже не знаю про себя». В общем, на работе Борис грустит, а вечером, вместо мелких буржуазных радостей – пива, там, попить, в бильярд поиграть, телевизор посмотреть — Борис пишет рассказы, и даже у него уже готова одна повесть. И вот он догадывается, что никакой он не экономист, а что-то вроде писателя, потому, видимо, и мучается на работе. Делать нечего: чтоб догадки подтвердились, надо всё бросать и ехать в Литературный институт, что в Москве. Так он и делает.

А в это время за три с половиной тысячи километров в

Алма-Ате, аж в другой стране, мучается юрист Жумагул. И мучения его как две капли воды похожи на Борисовы. Даром что Жумагул азиат и вместо рассказов пишет стихи. Ведь если ты работаешь на нелюбимой работе, то не играет роли твоя раса, вероисповедание и предрасположенность к одному из семинаров Литинститута.

Конечно, они идиоты – и Борис, и Жумагул. Конечно, надо было думать раньше и в 17 лет определиться с тем, куда поступать. Но если поразмыслить, лучше так менять жизнь, чем когда уже семья и дети. Ведь когда семья и дети, ничего уже не изменишь. Так что, если разобраться, не такие уж и идиоты Жумагул с Борисом. Тем более, и того, и другого приняли в Литературный институт без всяких оговорок. Это обнадеживало обоих, они уже были уверены, что скоро найдут ответ на вопрос «Кто я такой?»

В первых числах сентября, тёплым солнечным днём, с запада в Москву въехал Борис. В то же время с востока прибыл Жумагул. Западу с востоком суждено было встретиться в фойе общежития Литературного института.

Борис пришёл первым.

– Здравствуйте, – сказал он как можно более по-писательски лысому охраннику, смотревшему телевизор в вахтенной будке.

Охранник взглянул на Бориса и, ничего не ответив, повернул голову к экрану.

– Извините, пожалуйста, не могли бы вы подсказать, как

заселиться?

Охранник нехотя отвлёкся и спросил, обнаруживая во рту пару золотых зубов:

– А вы вообще кто?

– Я – Борис Игнатов, – виновато сжавшись, произнёс Борис. Он чувствовал, что оторвал охранника от чего-то очень важного.

– Зачем мне ваше имя, я спрашиваю, вы – откуда?

– Из Смоленска.

– Хоть из Караганды! Учитесь вы где? В школе экономики?

– Я в институте учусь. В Литературном институте, – всё тише и тише говорил Борис.

– Где-где?!

– В Литературном.

– Так бы сразу. Как фамилия?

– Игнатов.

Охранник порылся в списках, нашёл фамилию Бориса.

– Садитесь и ждите, я скажу коменданту.

Охранник ушёл, показав на спине надпись «Агент-1».

«Надеюсь, он тут такой действительно один», – подумал Борис и сел. Агент-1 скоро вернулся и продолжил смотреть телевизор, будто бы Бориса не существовало. А Борис боялся нарушать спокойствие Агента-1.

Минут через двадцать в общежитие вошёл молодой казах. Повторилась похожая сцена.

– Вы кто?

– Жумагул.

– Как же вы меня заколебали! Учитесь вы где?

– В Литературном институте, – ответил Жумагул.

Агент-1 снова сходил куда-то и вернулся к телевизору.

В следующие полчаса Борис и Жумагул успели познакомиться и вполголоса, чтобы не мешать Агенту-1, обменялись своими биографиями. Они были наивно рады тому, насколько похожи. Хоть один из них европеец, а второй азиат, всё-таки они нашли в себе силы изменить жизнь, как им казалось, к лучшему. К концу разговора они были в восторге от того, что будут вместе учиться и жить в одном общежитии. Когда все темы были исчерпаны, Жумагул спросил:

– Слушай, Боря, а чего мы ждём?

– Не знаю. Наверно, коменданта.

– Так что же он не идёт? Ты спроси у охранника.

– Мне как-то не ловко. Спроси ты.

Жумагул подошёл к Агенту-1.

– Извините, а долго нам ждать?

– Откуда я знаю? Ждите, вас позовут.

И они ждали. Час ждали, два ждали. Пока не вышел мужчина и не спросил, почему они здесь сидят. Это оказался комендант.

Бориса и Жумагула поселили в комнату с двумя голыми кроватями, шкафом, столом и стулом. Потолок был в тёмно-коричневых подтёках, с пола пахло несвежим ковроли-

НОМ.

– Ну и комнатка, – уныло сказал Борис.

– Да, не очень-то тут уважают писателей, – Жумагул сел на край кровати.

– Мы ведь ещё не писатели, – уточнил Борис, – с писателями бы так не обращались. Надеюсь, хоть душ у них тут есть.

Борис взял шампунь, полотенце и вышел из комнаты. Походив по коридору, Борис выяснил, что на всём этаже была только одна душевая. Естественно, она была занята, поэтому пришлось ждать у закрытой двери и представлять очереди, которые бывают здесь по утрам. Литература начала показывать Борису, каких именно жертв она требует.

Дверь открылась – и навстречу Борису вышла полная краснолицая девушка в халате и с тюрбаном из полотенца на голове. Улыбнулась. Бориса передёрнуло. «Неужели так теперь будет каждый день?» Пока он это думал, его отпихнул какой-то рабочий с разводным ключом и прошёл в душ.

– Простите, но я следующий, – возмутился Борис.

– Куда прёшь, не видишь – ремонт! – рабочий скрутил краны, шланг и собрался уходить.

– А где же мне теперь мыться? – удивился Борис.

– Почему мне знать, я что – комендант? – и ушёл.

Борис с тоской поглядел на мёртвую душевую и пошёл обратно в комнату. Дёрнул ручку – закрыто. Борис сел под дверь и обхватил голову руками.

Жумагул тем временем уже разыскал туалет и прикидывал, как ему присесть на унитаз не касаясь его и не намочить штаны в желтоватой воде, хлюпавшей под ногами. Про человека, который мало ест, обычно говорят, что он питается, как птичка. Жумагул питался нормально, но, несмотря на это, его теперь тоже можно было сравнить с птичкой – он стоял в одной из туалетных кабинок на полусогнутых ногах, руками-крыльями не давая штанинам опуститься до пола.

Из кабинки Жумагул кинулся к умывальнику, как будто думал, что чем быстрее он помоеет руки, тем скорее его покинет отвращение к туалету. Тут он с удивлением увидел, что из соседней кабинки вышла девушка и тоже направилась к умывальнику. Туалет был общий. Они мыли руки, стараясь не глядеть друг на друга.

Жумагул застал Бориса под дверью комнаты.

– Представляешь, душ закрыли!

– Ты бы видел этот туалет!

Одновременно возмутились и Борис, и Жумагул.

– Нет, я этого так не оставлю, – горячился Жумагул.

– Немедленно пойдём к коменданту, – заявил Борис.

Друзья спустились на первый этаж. Борис немного даже грубо толкнул дверь к коменданту, но сразу же растерялся. В кабинете сидел Агент-1 и раскладывал пасьянс на компьютере. Рабочий день коменданта закончился.

Расстроенные, они вернулись в комнату и принялись разговаривать о себе и литературе, которая потребовала от них

жертв.

– Ты думаешь, ты писатель, Борис?

– Это я и приехал выяснить. По крайней мере, я точно знаю, что я не экономист, хоть я им и работал.

– Да, я тоже работал не тем, кем хотел бы. Думаешь, мы тут разберёмся, кто мы?

– Уверен в этом! – отвечал Борис.

Потом они дали друг другу почитать свои рассказы и стихи. Хвалили друг друга, критиковали. В общем, почувствовали себя настоящими писателями. Только ненадолго, потому что скоро им захотелось покурить, и они пошли на улицу. Проходя мимо будки Агента-1, они вспомнили всё, что с ними произошло сегодня: и заселение, и туалет, и душ.

Следующее утро Бориса и Жумагула началось под звуки дрели. На этаже устроили ремонт, рабочие сверлили стены, перепланировывали пустые комнаты, разбивали перегородки душа, откручивали двери, меняли окна. В институте было то же самое. Лекции приходилось слушать под грохот алюминиевых листов, которые сбрасывали с крыши рабочие, похожие на Жумагула. Чтобы пройти от корпуса до корпуса, нужно было обогнуть не одну кучу стройматериалов, сваленных во дворе Литинститута. К последней паре, как правило, шум затихал, и по институту разносился запах еды, которую готовили рабочие, жившие прямо в аудиториях. Перед едой рабочие мыли руки, головы и ноги в туалете, не стесняясь студентов.

Вскоре Жумагул и Борис свыклись с тем, как им предстоит жить ближайшие годы. Однажды они всё-таки сходили к ректору пожаловаться на жизнь.

– А почему вы с этим вопросом ко мне? – печально спросил ректор, выслушав сбивчивые жалобы друзей.

Затруднившись с ответом, Борис и Жумагул не нашли ничего лучшего, как извиниться и выйти. Выше можно было жаловаться только господу, в которого они не верили, как и в себя.

Каждый новый преподаватель начинал лекцию следующими словами:

– Научить писать – невозможно!

Видимо, занятия в институте сводились к тому, чтобы за два года доказать студентам этот нехитрый тезис.

Один преподаватель признался на паре:

– За всю историю существования Литинститута из этих стен не вышло ни одного писателя, за исключением тех, кто писателем сюда вошёл.

А Борис с Жумагулом не знали, кем они вошли в Литинститут. Они ведь специально для этого и приехали, чтоб узнать, кто они такие, – а оказывалось, что это надо было выяснять заранее.

Но даже если б им сказали, что научить писать очень даже можно, то вряд ли Борис и Жумагул теперь восприняли бы эти слова всерьёз. Они даже уже не удивлялись тому, что каждый новый день приносил с собой новые лишения. Всё

чаще они сидели в своей комнате и молчали, слушая, как на этаже грохочут дрели и молотки. Однажды в их комнату пришёл электрик и скрутил все розетки, кроме одной. Ребята даже не подумали возразить ему. А на следующий день закрыли туалет и обещали подселить двух студентов из школы экономики.

Столько было всего в общежитии, что они даже не обратили внимания на объявление:

Уважаемые студенты!

*10 октября в 19:00 будет проводиться
обработка против тараканов.*

Просьба всем быть дома.

Администрация

А зря, потому что в 19:00 в комнату Бориса и Жумагула постучал человек, который помог им разобраться с тем, кто они такие. Человек был в респираторе и с баллоном химикатов.

– Освобождаем плинтуса! Обработка тараканов! – кричал человек в респираторе.

– Но у нас нет тараканов, – сказал Жумагул.

– Так все сначала говорят. Надо обработать, – и начал обрызгивать комнату вдоль плинтусов.

Борис закашлял первым, за ним Жумагул. Спасаясь от химикатов, они выбежали в коридор, но там тоже пахло инсектицидом. Двери других комнат были раскрыты. Из них высыпались кашляющие студенты. Кто-то хрипел и с красным

лицом падал на пол, другие бросались к единственному окну в конце коридора, около которого образовалась давка.

– Борис, так больше жить нельзя! – пошевелил усиками Жумагул.

– Невозможно, Жумагул, просто невыносимо, – и Борис засеменил лапками к вентиляционному отверстию под потолком. Жумагул побежал следом. Остальные студенты вскоре устремились за ними.

Агент-1 шёл по этажу и выключал свет в пустых комнатах.

Кассирша в магазине простила мне 20 копеек. Мелочь, а приятно.

В тумбочке лежал старый кабачок. Я посмотрел на него немного, помыл, разрезал на мелкие части и потушил с картошкой. Получилась целая сковородка.

После разделки кабачка в тумбочке нашлось пол-упаковки овсяных хлопьев. Великолепно!

Остатки макарон – 20 гр.

Начавшая портиться осьмушка капусты – 50 гр.

Бульонный кубик – 1 шт.

Картофель – 2 шт.

Луковица – 2 шт.

Капусту очистил от порчи, срезал съедобные части с ко-

черыжки. Картофель, лук и кубик очистил от кожуры. Всё мелко порезал, кубик растолок. В полученную массу добавил остатки макарон и воду. Поставил на огонь. Вкусно.

Кормилица ты наша

– Вдумайтесь, сейчас нас кормит литература, – сказал Павел Свердлов и продолжил кромсать вилкой котлету.

Было это в 2005 году на литературном конкурсе Короткевича. Я, Свердлов и другие не очень взрослые литераторы обедали в кафе «Veduta» за счёт конкурса. Я тогда очень в это вдумался, но даже представить себе не мог, что литература может не только кормить, но ещё поить и возить.

Эти качества литература явила совсем недавно, буквально пару дней назад. Дело в том, что по результатам конкурсов обычно выходят книжки, а потом по городам Беларуси устраивают презентации с участием авторов. Вот тогда-то литература начинает поить и возить, не забывая также кормить.

Сначала литература отвезла меня в Витебск, откуда нас с Ирой Борисевич забрал микроавтобус, в котором литература везла Андреев – Хадановича и Покровского — Сяржука Медведева и Артёма Арашонка. Мы направлялись в Лиозно.

Там нам предстояло выступить в настоящем Дворце культуры, битком набитом подростками. Я сразу вспомнил рассказы бывалых литераторов о переполненных залах ДК, о которых они говорили, как о чём-то навсегда утраченном, и понял, что старые добрые времена потихоньку возвращаются. Детей собрали, правда, не ради литературы, а для того,

чтоб прочесть им лекцию о вреде СПИДа. «Главное, дети, это целомудрие», – вот после каких слов, предстояло выступить молодым литераторам.

Публика оказалась более чем благодарной. Она смеялась почти постоянно. Но особенно громко подростки смеялись, когда Андрей Хаданович объявлял очередного выступающего. «Ірына Барысевіч» – смех в зале, «Андрэй Пакроўскі» – хохот, «Сяржук Мядзведзеў» – рогот, а после того, как Сяржук вышел в своей жёлтой рубашке, казалось, стены рухнут. Но, пожалуй, ещё сильнее молодёжь Лиозно смеялась над строчкой Андрея Хадановича «Блякнуць знакі задзяку», особенно над словом «блякнуць».

Меня Хаданович представил как человека, который для того, чтобы выступить в Лиозно, специально ехал из Москвы. Девочка с последних рядов искренне удивилась: «Вот идиот». Но я на неё не обижаюсь. Она, думаю, не каждый день ест кабачки на завтрак, обед и ужин.

После концерта подростки купили целых три книжки, и мне пришлось почувствовать себя Кириллом Дубовским, так как меня попросили поставить автограф на сборнике, в который включён он, а не я.

Потом литература повезла нас в Оршу, где накормила, напоила и отвела в квартиру, увешанную национальными флагами и отклеивающимися обоями. Здесь публика была гораздо более образованной. Она не смеялась с наших фамилий и со слова «блякнуць» и купила целых шесть сборников

МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ.

Исцинна вам гавару:

Я стажор на ленце.ру!

Умер князь Олег

После непродолжительной болезни скончался киевский князь Олег Вещий, сообщает «Повесть временных лет».

По словам поэта Александра Пушкина, смерть наступила в результате укуса змеи, которая выползла из черепа бывшего княжеского коня.

Ранее Пушкин сообщал о пророчестве кудесника, который несколько лет назад сказал Олегу: «Примешь ты смерть от коня своего», – после чего князь приказал отвести коня на луг, купать, кормить отборным зерном и поить ключевой водой.

Накануне смерти, по информации Пушкина, Олег пировал с дружиной и, узнав о том, что его конь давно мёртв, решил навестить останки животного. В момент беседы князя с прахом коня из черепа выползла змея, обвилась вокруг ног и ужалила Олега, пишет поэт.

По сведениям «Повести временных лет», Олег назван Вещим после возвращения из византийского похода в 907 году. С 879 года Олег был князем новгородским, а с 882 – киевским.

Напоминаем, что ранее «Сага об Одде Стреле» сообщала о смерти викинга Орвара Одда, который также погиб от змеи, выползшей из черепа коня.

Такая удача, прямо не знаю, как и сказать. Обычно у меня спрашивают, что бы я хотел получить на день рождения. А я только пожимаю плечами, потому что мне кажется, всё у меня уже есть. Этот день рождения будет особенным.

Дело в том, что несколько часов назад у меня украли кошелек. Произошло это счастливое событие в метро. Я очень благодарен тому, кто избавил меня от этой нужной вещи. Ведь теперь я знаю, что попросить на день рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.